

Е. В. Корень

Декабризм в аспекте эволюции гражданского самосознания русского общества

Декабристы вошли в историю как основоположники освободительного движения в России — «дворянские революционеры». Вместе с тем они проявили себя в военной и общественно-культурной деятельности, внесли немалый вклад в дело просвещения, становление антикрепостнического общественного мнения, правовых теорий, историософских идей. Феномен декабризма необходимо рассматривать в аспекте эволюции гражданского самосознания русского общества, что и явилось целью данной работы. Гражданское самосознание декабристов, их патриотизм, политические и моральные убеждения, просветительские установки выражались в отношении к службе и общественной деятельности, в способности проявлять гражданскую инициативу, готовность к бескорыстному самопожертвованию ради общего блага. Актуальность темы обусловлена влиянием декабризма на общественно-культурное развитие России, а также 200-летием декабрьских событий 1825 г., которые в свете современных социокультурных процессов требуют нового осмысления.

14 декабря 1825 г. в Петербурге, а днями позже в Киевской губернии против самодержавия восстали представители привилегированного сословия, веками несшего царскую службу. Политические цели организовавших восстание деятелей тайных обществ заключались в упразднении абсолютизма и крепостного права, установлении конституционного строя. Феномен декабризма вызвал неоднозначные реакции современников, как положительные, так и негативные оценки, разноречивые версии в историографии¹. Хорошо знавший многих декабристов

писатель и журналист Н. И. Греч заметил, что «в то время восставали против злоупотреблений и притеснений именно те, кто меньше всего от них терпели», что «в этом мятеже не было на грош народности»². Возмущенный мятежом император Николай I спрашивал С. П. Трубецкого: «Что было в этой голове, когда вы с вашим именем, с вашей фамилией вошли в такое дело? Гвардии полковник! Князь Трубецкой!»³ В официальной версии декабризм был представлен как случайное для России явление, порожденное западными влияниями, теориями, воспринятыми молодыми офицерами в заграничных походах 1813–1814 гг. Высказывались мнения о декабристах как о незадачливых зачинщиках очередного дворцового переворота в ситуации междоусобицы⁴. А. И. Герцен положил начало прославлению декабристов как героев — борцов за освобождение угнетенного народа⁵. Восстание 14 декабря 1825 г. Герцен назвал полным отпущением грехов («*indulgentia plenaria*») «всей касты, ее расчет за целый век»⁶. В советской историографии декабристов трактовали как основоположников революционного движения — «дворянских революционеров», боровшихся во имя народа, но без народа⁷. «Декабристы, — отмечает Я. А. Гордин, — предстают в массовом сознании или корыстными узурпаторами, или прекраснодушными мечтателями, решившими принести себя в жертву. Они были — прежде всего! — политиками. Политиками бескорыстными в большинстве своем и, главное, трезвомыслящими»⁸. Тема декабризма относится к разряду постоянно актуализирующихся, переосмысливающихся на каждом новом этапе истории. И в настоящее время феномен декабристов не перестает привлекать внимание историков, прочно сохраняется в исторической памяти общества и вызывает дискуссии⁹.

Вместе с тем «дворянские революционеры» выступают прежде всего как выразители высоких гражданских идеалов. Н. А. Бердяев, например, видел величайшую их заслугу в самоотречении, отказе от сословных привилегий, свободном подчинении общенародной идее¹⁰. Декабристы проявили себя как активные участники военно-политических событий и духовно-культурных процессов своей эпохи. Среди них — герои Отечественной войны 1812 г., генералы и офицеры, известные литераторы и публицисты, государственные деятели. Они внесли значительный вклад в политическое и моральное просвещение общества, способствовали утверждению в нем гражданских понятий о патриотизме, долге, человеческом достоинстве и чести, о свободе и справедливости как духовных ценностях. Феномен декабризма правомерно рассматривать в аспекте эволюции гражданского самосознания русского общества.

Глубинные предпосылки декабризма обусловлены спецификой социально-политического и духовно-культурного развития России в новое время, особенностями русского Просвещения и влияния просвещенного абсолютизма на судьбы общества. Дворянство рассматривалось абсолютной властью как ведущая сила организации социума, в силу чего образование и служба (а не родовитость) были критерием ценности личности дворянина. Дворянская интеллектуальная элита стала основой формирования интеллигенции.

В XVIII — первой четверти XIX в. шли сложные процессы консолидации дворянства, становления корпоративной системы ценностей. В качестве реакции на злоупотребления власти в сознании дворянских интеллектуалов стали возникать идеи об ограничении самодержавного произвола. По мнению В. О. Ключевского, «домашние политические воспоминания и заграничные наблюдения будили в правящих кругах если не мысль об общественной свободе, то хоть помыслы о личной безопасности»¹¹.

Декабристы обращались к истории, исследуя проблемы преемственности в развитии политических традиций. Так, М. С. Лунин в «Разборе донесения Следственной комиссии» подчеркивал, что «тайный союз не отдельное явление и не новое для России». Ему предшествовали «политические сообщества», которые возникали «в продолжение более века», преследуя цель «изменить формы самодержавия»; общество декабристов «отличается от своих предшественников только бóльшим развитием конституционных начал»¹². В. С. Толстой, проследившая преемственность в развитии оппозиционных настроений в России, отметил проект «верховников» как «первую слабую попытку обуздать сверхъестественное и страшное самодержавие», отличную от других дворцовых заговоров. Восстание декабристов Толстой характеризовал как «дело исключительно патриотической политики, в которой участвовали многочисленные личности, принявшие на себя гласно выразить мысли и желания самого значительного большинства страны»¹³.

Во второй половине XVIII в. освобождение дворян от обязательной службы и ряд привилегий по «Жалованной грамоте» Екатерины II способствовали культурному развитию дворянской элиты и формированию на ее основе интеллигенции. Появилась категория людей, права которых были признаны и обеспечены законом¹⁴. Вместе с тем возник социальный дисбаланс: усилилось крепостное право, что вызывало крестьянские протесты. Опасность социально-политической ситуации постепенно стали осознавать дворянские интеллектуалы, как и то, что с помощью крепостного права верховная власть привязывала к себе дворянство, отвлекая его от постановки вопроса о политических реформах¹⁵.

Под воздействием, с одной стороны, идей Просвещения, «вызвавших индивидуализацию и усложнение внутреннего мира личности дворянина», а с другой стороны, под влиянием крайностей российского абсолютизма в интеллектуальной среде происходила переоценка официальной системы ценностей, морали, чинов и наград¹⁶. Эволюционировали представления дворянских интеллектуалов о служебном и моральном долге, о родовой, сословной и личной чести¹⁷.

Эволюция духовной и политической культуры интеллектуального слоя дворянства способствовала развитию критических взглядов на абсолютизм и крепостное право. Появился тип дворян-интеллектуалов, которые демонстрировали независимость от властей, сознавали себя не столько феодальной, сколько

культурной аристократией¹⁸. Так, М. М. Щербатов осуждал абсолютизм как «самовластное мучительство», считал ужасным, что миллионы людей «могут быть сравнены со скотами», выступал против закрепления крестьян за промышленными предприятиями, против продажи их в розницу¹⁹. О братьях Н. И. и П. И. Паниных Г. А. Гуковский заметил, что они по складу своего миропонимания и культуры были «интеллигентами и феодалами»²⁰.

Заметно эволюционировали ценностные представления дворян-интеллектуалов о службе: от службы государю, государству до служения Отечеству²¹. По мере роста гражданского самосознания дворян государственная служба из казенной повинности превращалась в обязанность, предписанную правилами чести благородных людей²². Корыстное или безответственное отношение к службе осуждалось²³. Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов и многие другие сменили государственную службу на просветительскую деятельность, рассматриваемую как общественный долг²⁴.

На новое понимание дворянскими интеллектуалами соотношения ценностного дуализма «служения государю и Отечеству» повлияли засилье на службе иностранцев и пренебрежение монархов к отечественной культуре²⁵. «По мере вливания в российское дворянство иностранцев, делавших карьеру на царской службе и получавших в награду земли и крестьян, вопрос о служении Отечеству начал приобретать фрондирующие нотки у русского дворянства»²⁶. Постепенно служба отечеству возобладала, а понятие «граждане» оттеснило понятие «подданные»²⁷. У отдельных представителей интеллектуального слоя идея служения отечеству переходила в убеждение о необходимости борьбы против самодержавия, вредившего интересам страны. Такое понимание гражданского долга сложилось, например, у К. Ф. Рылеева, который «служил Отечеству, пока оно нуждалось в службе своих сограждан», и, видя свое призвание в том, чтобы «лить кровь свою за свободу отечества», не хотел служить «только для прихоти самодержавного деспота»²⁸. Для И. И. Пущина участие в деятельности тайных обществ было «новым служением отечеству», а выступление на Сенатской площади — делом чести²⁹.

Разочарование дворянской интеллигенции в прогрессивности просвещенного абсолютизма наступало в результате осознания того, что «власть превозмогает над справедливостью». Как отметил Н. М. Карамзин, Павел I «заставил ненавидеть злоупотребления» самодержавия, считал подданных рабами, «казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды прелесть»³⁰. После дворцового переворота 1801 г., приведшего на престол Александра I, подобный способ вершить государственные судьбы стал подвергаться осуждению³¹. Декабрист М. А. Фонвизин подчеркивал, что участники заговора 1801 г. стремились к перевороту не из любви к отечеству и сострадания к народу, а из страха перед тиранством Павла I и желания «возвратиться к своевольному и безнравственному образу жизни времен Екатерины»³².

К началу XIX в. значительно расширился слой передовой дворянской интеллигенции, в менталитете которой доминировали гуманистические ценности, представления о приоритете общенациональных интересов над частными и сословными, развивались антиабсолютистские и антикрепостнические идеи. В этой среде и возникла идейно-нравственная почва для появления декабристов.

Нравственно-политический опыт декабристов нужно рассматривать в контексте эпохи первой четверти XIX в., насыщенной различными внутри- и внешнеполитическими процессами. Начало царствования Александра I было отмечено попытками реформ государственно-административной системы, проектами отмены крепостного права. На формирование мировоззрения декабристов оказали влияние политические обстоятельства, особенности воспитания и образования, круг чтения и общения, дух учебных заведений (Московского университета, Петербургского педагогического института, Царскосельского лицея и др.)³³. Н. В. Басаргин вспоминал о моральной атмосфере Училища колонновожатых: «...между взрослыми воспитанниками существовала такая связь и такое усердие помогать друг другу», что каждый готов был жертвовать своим досугом ради помощи товарищам³⁴. В. И. Штейнгейль писал о лицеистах, что «свободомыслие, внушенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве своем при вступлении в свет»³⁵.

Непосредственно нравственные и политические убеждения декабристов сложились в условиях патриотического подъема, вызванного победой в Отечественной войне 1812 г. и заграничными походами русской армии. Поколение принявших участие в военных действиях образованных молодых дворян получило новый опыт познания страны и народа. Участники великих событий, решавших судьбы народов, они с «прискорбием узнали, что Россия — единственная страна, в которой образованнейший и руководящий класс пренебрегает родным языком и всем, что касается родины»³⁶. В ходе войны дворяне-офицеры сблизились с солдатами, прониклись уважением к народу, самоотверженно вставшему на борьбу с захватчиками. «Каждый из нас чувствовал свое собственное достоинство, потому умел уважать его в других», — вспоминал М. И. Муравьев-Апостол³⁷. «Офицеры и солдаты, — отметил И. Д. Якушкин, — каждый чувствовал, что призван содействовать в великом деле»³⁸. В. Ф. Раевский тогда впервые связал «свою судьбу с народом»³⁹. Будущие декабристы задумались о несправедливости крепостничества и опасности народного восстания. Ф. Н. Глинка писал: «...народ просит воли, чтоб не потерять вольности»⁴⁰. С этого момента молодые дворянские интеллектуалы «вернулись к русской действительности»⁴¹.

На военных бивуаках офицеры размышляли о философских и политических вопросах, о справедливости и свободе. Ю. М. Лотман, анализируя дневник погибшего на войне молодого офицера А. В. Чичерина, обратил внимание на созвучность мыслей автора декабристским взглядам: «Идеи свободы, распро-

странившиеся по всей стране, всеобщая нищета, полное разорение одних, честолюбие других, позорное положение, до которого дошли помещики... — разве не может все это привести к тревогам и беспорядкам?.. может, революции необходимы в жизни империи, как нравственные потрясения в жизни человека»⁴². Н. Я. Эйдельман также отнес Чичерина к декабристскому типу личности⁴³.

Декабристы называли себя «детьми 1812 г.». «Нападение Наполеона на Россию в 1812 году возбудило в русских любовь к Отечеству в самой высокой степени», а «счастливое окончание сей войны, беспремерная слава» заставили «гордиться своим именем», писал С. П. Трубецкой⁴⁴. «Порыв национальности делом и словом выказывался при каждом случае», — вспоминал С. Г. Волконский, относивший к 1812 г. собственное осознание «обязанностей гражданина» «в мыслях и чувствах»⁴⁵. События 1812–1815 гг. произвели переворот в жизни и сознании образованной молодежи.

Война вскрыла множество проблем российской действительности. Н. В. Басаргин высказал наблюдение: «...в России, несмотря на приобретенную ею военную славу счастливым исходом борьбы с Наполеоном, внутренняя ее организация, общественное и нравственное ее положение, ее правительственные формы... малое развитие в отношении умственного образования» внушали желание «изменить этот порядок»⁴⁶. Д. И. Завалишин подчеркивал, что тогдашнее «порицание правительственных действий по внешней и внутренней политике» выходило «не из подражания и влияния чужих идей, а было делом самостоятельного взгляда чисто русских людей на русскую жизнь»⁴⁷. Позже философ Г. П. Федотов обратил внимание на «почвенность» декабристов, на то, что они — «офицеры русской армии, люди службы и дела, нередко герои, обвеянные пороховым дымом 12-го года. Их либерализм питается национальной идеей»⁴⁸.

Страна была разорена из-за постоянных войн, переживала экономический кризис. При этом усилились злоупотребления в административных и судебных инстанциях, росла социальная напряженность, участились вспышки народных протестов⁴⁹. Произвол властей, крепостнические злоупотребления, казнокрадство осуждали и либералы, и консерваторы. Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» возмущался, что все грабят, но никто не наказан⁵⁰. А. А. Бестужев в письме Николаю I из Петропавловской крепости утверждал, что причиной общественного недовольства является повсеместный произвол и грабеж: «В казне, в судах... везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел — тот крал»⁵¹. А. П. Беляев вспоминал, что в судах «господствовало кривосудие; взяточничество было почти всеобщим», все «приходило в расстройство»; это «было следствием тогдашнего порядка вещей, при котором не признавались ничьи права перед сильнейшими»⁵². И. Д. Якушкин среди главных язв общества выделял «закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще»⁵³. В. Ф. Раевский писал о причинах возмущения военных:

«избалованные победами, славою и почестями, они встретили в отечестве недоверие правительства, неуважение», «палочную систему командования», повсеместное шпионство; «жалобы солдат считались за бунт»⁵⁴. А. И. Борисов признавался следствию, что его обратил к свободомыслию «всеобщий голос недовольствия в народе» из-за «несправедливых требований правительства»⁵⁵. М. И. Муравьев-Апостол спустя десятки лет после 1825 г. констатировал: «...для того, чтобы понять наши стремления, необходимо вникнуть в истинное положение тогдашней России»; движение декабристов нельзя «объяснить вне связи с этими бедствиями, которые его и вызвали»⁵⁶.

Необходимость преобразования системы государственного управления и социального строя становилась все более очевидной. Реформаторские попытки правительства оказывали неоднозначное влияние на настроения передовой молодежи. С. П. Трубецкой вспоминал, что после Отечественной войны и заграничных походов офицеры-патриоты, сопутствовавшие «своему государю в трудах военных», готовы были содействовать ему «и в мирных подвигах»⁵⁷. Они открыто говорили о вреде крепостного права и необходимости его отмены, выступали против палочной дисциплины в армии. В моду «входила строгость правил и политическая экономия»⁵⁸. Из кружков единомышленников, искавших способы преодоления социального зла, возникли «Союз спасения» и «Орден русских рыцарей».

Между тем непоследовательная политика императора вызывала негативную общественную реакцию. В 1817 г. Александр I, даровав конституцию Польше, пообещал в перспективе ввести конституционный строй в России. Одновременно прошел слух о намерении императора присоединить к Польше западные территории империи и, уехав в Варшаву, объявить об освобождении крепостных крестьян⁵⁹. Это вызвало возмущение в декабристских кругах: возникло опасение, что подобные действия спровоцируют новую пугачевщину. М. Ф. Орлов, соединявший «горячее чувство национального достоинства с просвещенным либерализмом», составил записку к государю «против эмансипации Польши», собирал подписи в кругу генералов и сановников⁶⁰. Член «Союза спасения» И. Д. Якушкин настолько сильно был потрясен известием о намерениях Александра I, что готов был пойти на царевбийство⁶¹.

В патриотическом контексте особую остроту для декабристов приобретала тема народа, преодолевшего наполеоновское нашествие, перенесшего тяготы войны, но испытывавшего усиление крепостного гнета и ужасы военных поселений. Декабристы видели зло крепостного права в том, что оно унижает человеческое достоинство. В. Ф. Раевский возмущался: «...по какому праву тело и имущество и даже душа одного может принадлежать другому? Откуда взят этот закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человекoв? Не из источника ли грубого, неистового невежества... бесчеловечья?»⁶² М. А. Фонвизина возмущало «рабство огромного [бесправного] большинства русских»⁶³. В 1818 г. Т. Е. Бок, идейно близкий к декабристам,

подал «Записку» на имя императора с призывом к отмене крепостного права, «институции, столь же бессмысленной, сколь и возмутительной»⁶⁴. «Язва крепостного состояния крестьян» ассоциировалась в умах передовых людей с угрозой крестьянских восстаний⁶⁵. П. А. Вяземский, принимавший участие в разработке конституционной «Уставной грамоты», назвал крепостничество единственной «революционной стихией» в России, порождающей стремления к «бунту»⁶⁶. Н. И. Тургенев в «оправдательном» письме императору Николаю I утверждал, что главная мысль, привлекавшая его в тайное общество, состояла в «уничтожении крепостного состояния в России»⁶⁷. Он больше всего обращал внимание тайного общества на «печальное положение крепостных», предлагая каждому содействовать уничтожению крепостного права. В период службы в Государственном совете Тургенев способствовал освобождению «отдельных лиц и даже целых крестьянских обществ», «составлял в пользу освобождения крестьян» докладные записки императору и «законопроекты для Государственного совета»⁶⁸. Уничтожение крепостного права рассматривалось декабристами как дело чести.

Патриотические настроения являлись пропуском в тайное общество. Подбор людей осуществлялся, исходя из оценки их общественной деятельности и поведения в частной жизни. «Союз благоденствия» «приглашал к себе всех, кои честною жизнью удостоились в обществе доброго имени»⁶⁹. А. П. Юшневский вспоминал, что обращались «к людям, которые имели уже к тому расположение»⁷⁰. По показаниям К. Ф. Рыльева, в общество принимали того, кто «пламенно любил Россию», «для ее блага готов был на всякое самоотвержение»⁷¹. Самого Рыльева приняли в тайное общество после распространения сатиры «К временщику», в которой всесильный А. А. Аракчеев осуждался как «тиран родной страны»⁷².

В тайном обществе людей объединяло сходство гражданских и нравственных позиций. Н. М. Муравьев признавался, что «был ослеплен желанием видеть Россию на высочайшей степени благосостояния посредством учреждений, равно благотворительных для всех состояний людей»⁷³. Чувства гражданского долга и ответственности за судьбу страны заставляли декабристов заботиться о приобретении знаний, необходимых для участия в социально-политических и культурных преобразованиях. Д. И. Завалишин писал, что тогда начали «беспристрастно изучать факты, относящиеся к отечеству, к его настоящему состоянию и истории», «результаты и чужого опыта и мышления», «чтобы отыскать в них приложение к настоящим требованиям, разрешение насущных вопросов»⁷⁴. Офицеры усиленно изучали науки, имеющие целью «усовершенствование гражданского быта государства»⁷⁵. В. Ф. Раевский «на службе предался более, чем в училище, чтению и учению»⁷⁶. С. П. Трубецкой старался приобрести «все познания, могущие приуготовить к служению» отечеству «с пользою»⁷⁷.

«Союз благоденствия» обязывал входящих в него людей «заниматься распространением во всех сословиях народа истинных правил добродетели», бороться против «лихоимства и жестокости с подвластными», «показывать личный пример добродетели и стремления к знаниям»⁷⁸. Руководствуясь идеями

об общественном благе, члены тайного общества выбирали сферу деятельности, в которой могли принести наибольшую пользу⁷⁹. И. И. Пущин, по рассказу Е. П. Оболенского, «променял мундир конногвардейской артиллерии на скромную службу в уголовной палате», надеясь своим примером побудить других «принять на себя обязанности, от которых дворянство устранилось», чтобы внести в нижние судебные инстанции «благородный образ мыслей», быть опорой слабым и беззащитным людям⁸⁰. К. Ф. Рылеев также некоторое время служил в Петербургской уголовной палате.

Люди декабристского типа культивировали в своей среде понятия о чести и долге как выражении нравственной ценности личности. Д. И. Завалишин подчеркивал, что «для истинной нравственности» «не допускал никакого раздвоения», считал «нечестным делом... всякую несправедливость для личной цели», не допускал, «что можно быть честным в одном деле и нечестным в другом, платить карточный долг равному себе и не платить мастеровому, говорить об улучшении быта народного и в то же время распутствовать, развращая народ... упрекать народ в пьянстве и самому участвовать в оргиях»⁸¹. Н. И. Тургенев презрительно отзывался о балах и пирах «на счет обремененных работами крестьян» как о развлечениях, достойных «хамов»⁸².

Декабристы утверждали гражданский идеал нравственного поведения в условиях господства феодально-крепостнической идеологии. В конце 1830-х гг. французский путешественник А. де Кюстин писал: «Можно ли удивляться отсутствию нравственного чувства у простого народа в стране, где знать смотрит на самые элементарные правила честности как на законы, годные для плебеев, но не касающиеся людей голубой крови?»⁸³ Люди декабристского круга стремились преодолеть двойственные стандарты морали. Морально-политические установки влияли на их бытовое поведение. По мнению Ю. М. Лотмана, людям декабристского склада была близка стоицистская традиция поведения, «стиль высокой гражданской патетики». Понятия о чести и долге связывались с представлением об исторической ответственности за судьбу России, с «отношением к себе как к исторической личности»⁸⁴. Так, К. Ф. Рылеев пропагандировал гражданский идеал героя, готового к самопожертвованию во благо отечества: «Известно мне, погибель ждет / Того, кто первый восстает / На утеснителей народа... / Но где, скажи, когда была / Без жертв искуплена свобода?» — говорит герой поэмы «Наливайко»⁸⁵. Когда М. А. Бестужев заметил поэту, что в этих строках содержится предсказание судьбы его и других заговорщиков, Рылеев сказал о «необходимости примера для пробуждения спящих россиян». Накануне 14 декабря он призывал товарищей к восстанию, несмотря на сомнения в успехе: «...погибнем, но пример останется. Принесем собою жертву для будущей свободы Отечества!»⁸⁶

Противоречивая внутренняя и внешняя политика, неспособность правительства Александра I к проведению необходимых преобразований, рост социальной напряженности (бунты в военных поселениях, возмущение Семенов-

ского полка) и другие обстоятельства фактически подталкивали сторонников социально-политических реформ к революционным выводам⁸⁷. В 1820-е гг. Н. М. Муравьевым и П. И. Пестелем были созданы конституционные проекты; споры в тайных обществах о путях, средствах, вариантах преобразований продолжались вплоть до декабря 1825 г. Н. М. Муравьев, В. И. Штейнгейль, Г. С. Батеньков и другие предполагали установление в России конституционной монархии; П. И. Пестель, Н. И. Тургенев, К. Ф. Рылеев склонялись к упразднению монархического строя. Пестель составил «главу о Верховной власти» в монархическом и республиканском вариантах, написав ее таким образом, что можно было любой вариант включить «в общее сочинение»⁸⁸. Вместе с тем декабристы, как подчеркивал позднее М. С. Лунин, больше всего хотели «водворить в отечестве владычество законов, дабы навсегда отстранить необходимость прибегать к средству, противному и справедливости, и разуму»⁸⁹. Процесс формирования преобразовательных теорий был неожиданно прерван смертью императора Александра I и кризисом междуцарствия⁹⁰.

Патриотические мотивы и моральные понятия декабристов сыграли особую роль в ситуации междуцарствия, определив характер и исход декабрьских событий 1825 г. Чувство гражданского долга определило выбор многих, для кого «честь дороже присяги» (слова, сказанные императору А. Н. Раевским)⁹¹. «Ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов», — писал И. И. Пущин накануне 14 декабря⁹². Гражданское возмущение подогревалось обхождением правящей династии с престолом Российской империи как с семейной собственностью. С. П. Трубецкой отметил, что в обществе «изъявлялось негодование» по поводу странного положения, в котором оказалось государство в дни междуцарствия; возникали угрозы народного бунта и дворцового переворота. В этой ситуации тайное общество решилось обратиться недовольство войск повторной присягой к «лучшей цели»⁹³. М. С. Лунин, осмысливая эти события, констатировал: восстание 1825 г. «как факт мало значительно, но как *принцип* — в высшей степени важно»⁹⁴.

Организаторы декабрьских выступлений 1825 г. стремились добиться преобразований, не допустив гражданской войны. В выборе средств и путей реализации политических целей они были достаточно разборчивы: не пошли ни на цареубийство, ни на дворцовый переворот, стремились не допустить народной революции. Восстание на Сенатской площади стало в итоге вооруженной демонстрацией с требованием конституционных реформ. С. П. Трубецкой, избранный диктатором, не явился на площадь, увидев недостаточное количество войск для организованного бескровного переворота. Он опасался стать зачинщиком кровавой революции (наподобие Робеспьера или Марата)⁹⁵. В мемуарах Трубецкой подчеркивал, что члены тайного общества действовали без «личных выгод», желали, чтобы Россия избежала революций⁹⁶. Они стремились уничтожить крепостное право, ввести конституционный строй, исходя из потребностей политического и социально-экономического развития страны.

Потерпев поражение в вооруженных выступлениях, декабристы продолжали искать способы принести пользу России. Поверив в обещание Николая I провести в стране необходимые реформы, вчерашние заговорщики писали письма на имя императора и влиятельных чиновников с анализом реальной ситуации в стране и предложениями реформ (А. А. Бестужев, В. И. Штейнгейль, Г. С. Батеньков и др.)⁹⁷. В. И. Штейнгейль призывал царя «водворить правосудие... преобразовать города введением гражданских прав» и т. п.⁹⁸ А. А. Бестужев подробно и аргументированно изложил обстоятельства и причины общественного недовольства, условия и характер развития революционных настроений⁹⁹. И. Д. Якушкин, ожидая ареста, целенаправленно составлял записку о ликвидации крепостного права. На допросе он сказал генералу В. В. Левашеву, что крепостничество — «это такой узел, который должен быть развязан правительством, или, в противном случае, насильственно развязанный, он может иметь самые пагубные последствия»¹⁰⁰. Декабристы высказывали надежды продолжать службу. С. И. Муравьев-Апостол просил отправить его «в одну из отдаленных и рискованных экспедиций»¹⁰¹. На основании декабристских наблюдений и предложений правителем дел Следственной комиссии А. Д. Боровковым был подготовлен «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства», к которому обращался и сам Николай I, и правительственные чиновники.

Если бы не ситуация междоусобицы 1825 г., декабристы, по всей видимости, сосредоточились бы на общественно-просветительской деятельности. Впоследствии «каторжная академия» в Петровском заводе, школы и училища в Сибири были основным полем их деятельности. И. Д. Якушкин создал в Ялуторовске две школы (для мальчиков и для девочек). Пребывание декабристов в Кургане в 1830–1840-е гг., писал Н. И. Лорер, имело «моральную пользу, ибо сибирские чиновники, хваставшие до нас своим лихоимством и умением побольше содрать с просителя, стали снисходительнее, осторожнее и перед нами, по крайней мере, об этом уже не говорили»¹⁰². Многие декабристы писали мемуары и записки, внося свой вклад в сохранение исторической памяти общества. И. Д. Якушкин отметил в письме И. И. Пущину: «...одно только беспрестанное внимание к прошедшему может осветить для нас будущее»¹⁰³. Ретроспективный анализ пройденного пути имел смысл и в том, чтобы объяснить проблемы страны, которые вызвали движение декабристов и по-прежнему требовали решения.

Декабристские выступления конца 1825 — начала 1826 г. имели значительный общественный резонанс, что свидетельствовало об актуальности озвученных декабристами проблем. В. О. Ключевский характеризовал декабризм как «нравственно-общественный симптом, вскрывший обществу недуги, которых оно само в себе не замечало», и «целое настроение, охватившее широкие круги»¹⁰⁴. Заслуга декабристов состоит в том, что они способствовали пробуждению гражданского самосознания современников.

Реакция общества на декабризм была разной (от сочувствия до резкого осуждения) и менялась с течением времени. После декабрьских событий 1825 г. общество оказалось расколотым, мнения о настоящем и будущем России резко размежевались. Выявились связь многих представителей мыслящей России с декабристами и непримиримая реакция противников реформ¹⁰⁵. Бросив вызов верховной власти, жертвуя сословными привилегиями, декабристы проявили себя в качестве интеллигенции — общественной силы, принявшей ответственность за судьбу и гражданское развитие России. Г. П. Федотов считал, что с Сенатской площади и суда над декабристами начался разрыв интеллигенции и власти: «14 декабря 1825 г., — писал он, — почти незаметное в политической истории государства Российского, неизгладимая веха в истории русской интеллигенции»¹⁰⁶. С декабризмом кончается и самостоятельная политическая роль русского дворянства¹⁰⁷. При этом идеи декабристов повлияли на развитие и характер общественной мысли. Трагический опыт 1825 г. способствовал переосмыслению исторического пути России, сосредоточению рефлексии интеллигенции на проблемах просвещения, правового, исторического самосознания общества, на поисках национально-культурной идентичности¹⁰⁸.

В целом декабризм предстает как политическое движение дворянской интеллигенции, принявшее революционный характер в связи с усиливавшейся реакционной политикой самодержавной власти. В своей деятельности декабристы руководствовались мотивами гражданского долга и исторической ответственности. Они формировали общественное мнение, шедшее вразрез с феодально-крепостнической идеологией, внесли свой вклад в осмысление и утверждение в обществе внесословных понятий о человеческом достоинстве и чести, гражданских ценностях (свободы, права, справедливости), показали пример бескорыстного служения отечеству. Декабризм стал ключевой вехой в истории русской интеллигенции как влиятельной силы просвещения и общественного прогресса, ознаменовав переход общества от сознания подданных к сознанию граждан, показал, что гражданское самосознание общества достигло достаточного уровня, чтобы предъявлять требования нации к власти. Историческое значение декабризма заключается в том, что этот общественно-культурный феномен явился неотъемлемой частью эволюции гражданского самосознания русского общества.

¹ Вернадский Г. В. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 83; Гессен С. Я. Декабристы перед судом истории (1825–1925). М.; Л., 1925. С. 82–83.

² Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 306.

³ Трубецкой С. П. Записки // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 49.

⁴ Пайтс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 243.

⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. М., 1959. С. 73, 170–171.

- ⁶ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1955. С. 215.
- ⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 5–8, 22, 48.
- ⁸ Гордиш Я. А. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 9.
- ⁹ Ильин П. В. «Другие декабристы»: деятели тайных обществ 1810–1820-х гг., избежавшие судебного приговора, как исследовательская проблема // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3. С. 231–249; Парсамов В. С. Декабристы и русское общество. 1814–1825 гг. М., 2016.
- ¹⁰ Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998. С. 75–76.
- ¹¹ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1989. Т. 4. С. 247.
- ¹² Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 283.
- ¹³ Толстой В. С. Воспоминания // Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 29.
- ¹⁴ Романович-Славатинский А. А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 217.
- ¹⁵ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. М., 1909. С. 13, 15, 24.
- ¹⁶ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999. С. 96–102, 124, 181.
- ¹⁷ Романович-Славатинский А. А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. С. 61.
- ¹⁸ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. С. 169–171.
- ¹⁹ Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII в. М. М. Щербатов. М., 1967. С. 16, 27, 31, 78–81.
- ²⁰ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х гг. М.; Л., 1936. С. 128.
- ²¹ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. С. 105, 145.
- ²² Секиринский С. С. Дворянская вольность и царская служба: «наследие Петра» против Монтескье и Константа // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 347–349.
- ²³ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. С. 111–115; Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России князя Щербатова и Путешествие А. Радищева. М., 1983. С. 3.
- ²⁴ Новиков Н. И. Избранное. М., 1983. С. 84, 176.
- ²⁵ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. С. 105, 110.
- ²⁶ Вдовина Л. Н. Что есть «мы»? // Вестник МГУ. Сер. История. 1993. № 5. С. 8.
- ²⁷ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. С. 107, 148–149.
- ²⁸ Бестужев Н. А. Воспоминания о Рылееве // Декабристы. Избранные сочинения. Т. 2. М., 1987. С. 36–38.
- ²⁹ Пуцци И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 67, 84.
- ³⁰ Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н. М. История государства Российского. Ростов-на-Дону, 1990. Кн. 4. С. 491.
- ³¹ Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. Пг., 1922. С. 380–381; Саблуков Н. А. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825. М., 1989. С. 46–53; Эйдельман Н. Я. Грань веков. М., 1986. С. 215, 344.
- ³² Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1982. С. 145–147.
- ³³ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1989. Т. 5. С. 220–223; Т. 9. С. 97–98.
- ³⁴ Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 399.
- ³⁵ Восстание декабристов. Документы. М., 1976. Т. 14. С. 188.
- ³⁶ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 9. С. 97.
- ³⁷ Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. С. 41–42.
- ³⁸ Якушкин И. Д. Записки // Декабристы. Избранные сочинения. Т. 2. М., 1987. С. 380.

- ³⁹ Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1980. С. 107.
- ⁴⁰ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 59, 65, 216.
- ⁴¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 9. С. 98.
- ⁴² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 320–322.
- ⁴³ Эйдельман Н. Я. Первый декабрист. М., 1990. С. 32.
- ⁴⁴ Трубецкой С. П. Записки. С. 85.
- ⁴⁵ Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 187, 348.
- ⁴⁶ Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 56.
- ⁴⁷ Завалишин Д. И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 105.
- ⁴⁸ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 423.
- ⁴⁹ Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 14–15.
- ⁵⁰ Карамзин Н. М. О древней и новой России... С. 525.
- ⁵¹ Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 132.
- ⁵² Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. Красноярск, 1990. С. 156.
- ⁵³ Якушкин И. Д. Записки. С. 383.
- ⁵⁴ Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 349.
- ⁵⁵ Восстание декабристов. Материалы. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 82, 100.
- ⁵⁶ Цит. по: Рабкина Н. А. Отчизны внезем призванье. М., 1976. С. 3–4.
- ⁵⁷ Трубецкой С. П. Записки. С. 85.
- ⁵⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. М., 1995. Т. 8. Кн. 1. С. 55–56.
- ⁵⁹ Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. С. 19.
- ⁶⁰ Гершензон М. О. История молодой России. М., 1923. С. 12.
- ⁶¹ Трубецкой С. П. Записки. С. 26–27; Якушкин И. Д. Записки. С. 389–390.
- ⁶² Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 93–101.
- ⁶³ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 371.
- ⁶⁴ Бок Т. Е. фон. Записка // Декабристы и их время. М.; Л., 1951. С. 189.
- ⁶⁵ Трубецкой С. П. Записки. С. 67.
- ⁶⁶ Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992. С. 34–38, 220–221.
- ⁶⁷ Восстание декабристов. Документы. Т. 15. М., 1979. С. 275.
- ⁶⁸ Тургенев Н. И. Россия и русские // Русские мемуары. Избранные страницы 1800–1825. М., 1989. С. 286, 295.
- ⁶⁹ Законоположение Союза благоденствия // Декабристы. Избранные сочинения. М., 1987. Т. 1. С. 26.
- ⁷⁰ Восстание декабристов. Документы. Т. 10. М., 1953. С. 58, 263, 269.
- ⁷¹ Восстание декабристов. Материалы. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 159.
- ⁷² Рылеев К. Ф. Сочинения. М., 1988. С. 66–67.
- ⁷³ Восстание декабристов. Материалы. Т. 1. С. 298.
- ⁷⁴ Завалишин Д. И. Записки декабриста. С. 119–120.
- ⁷⁵ Якушкин И. Д. Записки. С. 382–383.
- ⁷⁶ Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. С. 311.
- ⁷⁷ Восстание декабристов. Материалы. Т. 1. С. 27–28.
- ⁷⁸ Законоположение Союза благоденствия. С. 21–23, 39–40.
- ⁷⁹ Завалишин Д. И. Записки декабриста. С. 162.
- ⁸⁰ Оболенский Е. П. Воспоминания // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 80.
- ⁸¹ Завалишин Д. И. Записки декабриста. С. 13.
- ⁸² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 363.
- ⁸³ Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 180.

- ⁸⁴ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 373, 381.
- ⁸⁵ Рылеев К. Ф. Сочинения. С. 249.
- ⁸⁶ Бестужев Н. А. Воспоминания о Рылееве. С. 35, 57.
- ⁸⁷ Ланда С. С. Дух революционных преобразований...: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825. М., 1975. С. 197, 312.
- ⁸⁸ Восстание декабристов. Материалы. Т. 4. М.; Л., 1927. С. 87, 125; Т. 7. М., 1958. С. 85–87, 103–104, 342–346, 390; Т. 9. М., 1950. С. 226–227.
- ⁸⁹ Лукин М. С. Письма из Сибири. С. 71.
- ⁹⁰ Вернадский Г. В. Два лика декабристов. С. 84.
- ⁹¹ Лебедев А. А. Честь: Духовная судьба и жизненная участь И. Д. Якушкина. М., 1989. С. 54.
- ⁹² Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. С. 84.
- ⁹³ Трубецкой С. П. Записки. С. 76.
- ⁹⁴ Лукин М. С. Письма из Сибири. С. 137.
- ⁹⁵ Восстание декабристов. Материалы. Т. 1. С. 145; Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. С. 93.
- ⁹⁶ Трубецкой С. П. Записки. С. 73–76.
- ⁹⁷ Восстание декабристов. Материалы. Т. 1. С. 298, 343–344; Т. 2. С. 45.
- ⁹⁸ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 224.
- ⁹⁹ Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. С. XXX, 128–136.
- ¹⁰⁰ Якушкин И. Д. Записки. С. 434.
- ¹⁰¹ Восстание декабристов. Материалы. Т. 4. С. 261–262, 419.
- ¹⁰² Лорер Н. И. Записки моего времени // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 442–443.
- ¹⁰³ Якушкин И. Д. Записки. С. 404.
- ¹⁰⁴ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 5. С. 428.
- ¹⁰⁵ Андреева Т. В. Русское общество и 14 декабря 1825 г. // Отечественная история. 1993. № 2. С. 153, 154–156.
- ¹⁰⁶ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции. С. 422.
- ¹⁰⁷ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. С. 238.
- ¹⁰⁸ Рудницкая Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999. С. 8, 57, 95, 215.

References

- Andreeva, T. V. Russkoe obshchestvo i 14 dekabrya 1825 goda [Russian Society and December 14, 1825. In Russ.]. In *Otechestvennaya istoriya*. 1993. No. 2, pp. 153–164.
- Eidel'man, N. Ya. *Gran' vekov*. [The Edge of Centuries. In Russ.]. Moscow, Mysl' publ., 1986. 368 p.
- Eidel'man, N. Ya. *Pervyi dekabrist* [The First Decembrist. In Russ.]. Moscow, Politizdat, 1990. 398 p.
- Fedosov, I. A. *Iz istorii russkoi obshchestvennoi mysli XVIII v. M. M. Shcherbatov* [From the History of Russian Social Thought of the 18th Century. M. M. Shcherbatov. In Russ.]. Moscow, Moscow University Press, 1967. 260 p.
- Gordin, Ya. A. *Myatezh reformatorov. 14 dekabrya 1825 goda*. [The Revolt of the Reformers. December 14, 1825. In Russ.]. Leningrad, Lenizdat, 1989. 395 p.
- Gordin, Ya. A. *Pravo na poedinok*. [The Right to a Duel. In Russ.]. Leningrad, Sovetskii pisatel' publ., 1989. 477 p.
- Gukovskii, G. A. *Ocherki po istorii russkoi literatury XVIII veka. Dvoryanskaya fronda v literature 1750–1760-kh gg*. [Essays on the History of Russian Literature of the 18th Century. The Noble Fronde in the Literature of the 1750s and 1760s. In Russ.]. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk, 1936. 236 p.
- Il'in, P. V. "Drugie dekabristy": deyateli tainykh obshchestv 1810–1820-kh gg., izbezhavshie sudebnogo prigovora, kak issledovatel'skaya problema ["Other Decembrists": Figures of Secret Societies of the 1810s–1820s, Who Escaped a Court Sentence, as a Research Problem. In Russ.]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2017. No. 3, pp. 231–249.

Landa, S. S. *Dukh revolyutsionnykh preobrazovaniy... 1816–1825* [Spirit of Revolutionary Changes... 1816–1825. In Russ.]. Moscow, Mysl' publ., 1975. 379 p.

Lebedev, A. A. *Chest': Dukhovnaya sud'ba i zhiznennaya uchast' I. D. Yakushkina*. [Honor: The Spiritual Fate and Life Fate of I. D. Yakushkin. In Russ.]. Moscow, Politicheskaya literatura publ., 1989. 399 p.

Lotman, Yu. M. *Besedy o russkoi kul'ture* [Conversations about Russian Culture. In Russ.]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb publ., 1994. 399 p.

Marasimova, E. N. *Psikhologiya elity rossiiskogo dvoryanstva poslednei treti XVIII veka. (Po materialam perepiski)* [Psychology of the Elite of the Russian Nobility in the Last Third of the 18th Century. (Based on Correspondence Materials). In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 1999. 299 p.

Mironenko, S. V. *Stranitsy тайной истории самодержавия. Politicheskaya istoriya Rossii pervoi poloviny XIX stoletiya*. [Pages of the Secret History of Autocracy. The Political History of Russia in the First Half of the 19th Century. In Russ.]. Moscow, Mysl' publ., 1990. 235 p.

Nechkina, M. V. *Dvizhenie dekabristov* [The Decembrists' Movement]. Vol. 1. Moscow, Nauka publ., 1955. 484 p.

Paips, R. *Rossiya pri starom rezhime*. [Russia under the Old Regime. In Russ.]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta publ., 1993. 422 p.

Parsamov, V. S. *Dekabristy i russkoe obshchestvo 1814–1825 gg.* [The Decembrists and Russian Society 1814–1825. In Russ.]. Moscow, Algoritm publ., 2016. 461 p.

Rabkina, N. A. *Otchizny vнемлем prizyvan'e*. [Fatherland Heed the Call. In Russ.]. Moscow, Sovetskaya Rossiya publ., 1976. 256 p.

Rudnitskaya, E. L. *Poisk puti. Russkaya mysl' posle 14 dekabrya 1825 goda*. [The Search for a Way. Russian Thought after December 14, 1825. In Russ.]. Moscow, Editorial URSS publ., 1999. 271 p.

Sekirinskii, S. S. *Dvoryanskaya vol'nost' i tsarskaya sluzhba: "nasledie Petra" protiv Montes'ke i Konstana* [Noble Liberty and Royal Service: "Peter's Legacy" against Montesquieu and Constant. In Russ.]. In Rudnitskaya, E. L. (ed.) *V razdum'yakh o Rossii (XIX v.)*. Moscow, 1996. P. 345–364.

Vdovina, L. N. *Chto est' "my"? [What is "We"? In Russ.]. In Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 1993. No. 5, pp. 6–12.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

**Е. В. Корень. Декабризм в аспекте эволюции гражданского самосознания русского общества // Петербургский исторический журнал. 2025. № 4. С. 10–26.
DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_10**

Аннотация: В статье показано, что формирование менталитета декабристов, представителей дворянской интеллигенции, происходило в русле развития политической культуры общества, становления гражданских понятий об отечестве, государстве и праве, о службе, чести и долге. Движение декабристов возникло в условиях патриотического подъема, вызванного Отечественной войной 1812 г. и способствовавшего развитию у образованной военной молодежи чувства сопричастности народу и отечеству. Феномен декабризма явился свидетельством перехода русского общества от сознания подданных к сознанию граждан. Цель тайных обществ заключалась в ликвидации абсолютизма, крепостного права, в установлении конституции, равноправия граждан. Декабристы проявили себя в качестве революционеров в связи с кризисной ситуацией междоусобицы 1825 г. Проведенное исследование дает основание для ряда выводов: 1) декабризм явился показателем того, что гражданское самосознание общества в первой четверти XIX в. достигло достаточного уровня, чтобы предъявить требования нации к власти; 2) декабристы гласно выразили гражданскую позицию, альтернативную самодержавно-крепостнической идеологии; 3) дворянские революционеры продемонстрировали понимание патриотизма и служения отечеству, ориентированное на общенациональные интересы; 4) декабризм стал первым масштабным движением интеллигенции, отстаивавшей гражданско-правовые ценности, принимавшей на себя историческую ответственность за судьбы страны и народа. Результаты работы могут быть полезными для дальнейших исследований декабризма, менталитета интеллигенции, гражданского развития русского общества.

Ключевые слова: декабристы, декабризм, гражданское самосознание русского общества, патриотизм, менталитет, ценности, интеллигенция.

FOR CITATION

E. V. Koren. Decembrism in the Aspect of the Evolution of the Civic Consciousness of Russian Society // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2025, pp. 10–26.

DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_10

Abstract: The article demonstrates that the mentality of the Decembrists, representing the noble intelligentsia, evolved in conjunction with the development of the political culture of society, the establishment of civil concepts of the fatherland, state and law, service, honour and duty. The Decembrist movement emerged in the context of the patriotic upsurge caused by the Patriotic War of 1812, contributing to the development of feelings of belonging to the people and the fatherland among educated military youth. The phenomenon of Decembrism was indicative of the transition of Russian society from the consciousness of subjects to that of citizens. The fundamental purpose of secret societies was to eliminate absolutism and serfdom, establish a constitution, and ensure the equality of citizens. The Decembrists demonstrated their revolutionary inclinations during the crisis of the interregnum of 1825. Conclusions were drawn: 1) the phenomenon of Decembrism is indicative of the advancement of Russian civic consciousness in the early 19th century, to the extent that it was able to challenge the prevailing power structure; 2) the Decembrists were unambiguous in their articulation of a civic position, representing an alternative to the prevailing autocratic-serf ideology; 3) the actions of the noble revolutionaries demonstrated an understanding of patriotism and service to the fatherland, with a focus on national interests; 4) Decembrism represented the first large-scale movement of the intelligentsia. The intelligentsia were those who defended civil law values and assumed historical responsibility for the fate of the country and the people. The findings of this study have the potential to inform future research on Decembrism, the mentality of the intelligentsia, and the civic development of Russian society.

Key words: Decembrists, Decembrism, civic consciousness of Russian society, patriotism, mentality, values, intelligentsia.

Автор: **Корень, Елена Васильевна** — к.и.н., доцент кафедры философии и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (Гомель, Республика Беларусь).

Author: **Koren, Elena Vasilievna** — PhD in History, Associate Professor, Francysk Skaryna Gomel State University (Gomel, Republic of Belarus).

E-mail: elena.k.v@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9979-0337